

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ: «ПИШУ РОМАН...»

12 декабря писателю исполнилось 70 лет. Чем он живет сейчас и о чем думал всегда?

Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

Владимир Катин

НЕОБЫЧНЫЙ декабрь стоит в нынешнем году в Европе. Морозы уже не первый год — с тех пор, как восемь лет назад писатель приехал в Велкое герцогство Люксембург, чтобы возглавить посольство СССР.

— На заседании президентского совета, членом которого я тогда был, — вспоминает Чингиз Айтматов, — Горбачев объявил о моем назначении на пост посла. Все, конечно, поздравляли, а Примаков в перевернутом позитиве: «Советником возьмешь?» — «Еще как, — отвечаю в том же тоне, — дай только добраться на место!»

И, как говорится, лиха беда начало, после Люксембурга, в советскую пору, Чингиз Айтматов перешел в Брюссель в качестве посла Киргизии, причём сразу в трех странах: Бельгии, Люксембурге и Нидерландах. Кроме того, Айтматов стал представителем при ЕС и НАТО.

Спрашиваю, не отворачивал ли писатель-посол от родных корней. — (Качает головой.) Не отворачивался, не замолчал. Часто доводилось бывать и в России, и в своих краях, я ведь депутат парламента. К тому же в регионе создана Ассамблея культуры народов Центральной Азии с центром в Ташкенте. Это своего рода компенсация исчезнувших творческих союзов. Так вот, я президент этой Ассамблеи. В общем, все это вместе взятое дает мне возможность знать, что происходит в стране, в СНГ. А здесь я вижу европейскую действительность в ее самых различных проявлениях. Поэтому я лично считаю, что не только не отрываюсь от родины, но многое обретаю. Накапливаются замыслы, вызревают сюжеты, жизнь и темы осмысливаются, так сказать, в новых параметрах. Но драма моя в том, что постоянно не хватает времени для завершения текстов.

Потом я заговорил о том, что, по мнению многих, в произведениях последних лет угасает национальный колорит и, значит, уходит связанная с ним тематика...

— Я бы этого не сказал, — возразил Чингиз Торекулович. — Каждый художник развивается, эволюционирует в познании и наблюдениях, в способах отображения человеческих судеб. Больше того, достигается некий син-

тез видения и выражения национальных и общечеловеческих свойств. Полагаю, что это неизбежный процесс развития современной литературы, порожаемый и многообразием, многополярностью мира, и тем, что называется глобализацией современной цивилизации.

За плечами Чингиза Айтматова 40 лет творческой деятельности, признание, успех, почет, награды. Он Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, трех Государственных и многих зарубежных, к тому же в том числе Австрийской в области литературы за 1994 год (беспрецедентный случай для зарубежно-го автора), почетный член академий ряда стран. По данным ЮНЕСКО, произведения Айтматова переведены на 137 языков, а общий тираж изданий просто не поддается учету. Похоже, что больше всего знают и любят творчество Айтматова в немецкоязычных странах — Германии, Швейцарии, Австрии, там практически в каждой домашней библиотеке есть его книги. На вопрос, чем объясняется такой интерес именно немцев, писатель разводит руками.

— Для меня это, в общем-то, загадка. Получается, что в Германии, с которой мы воювали, меня понимают больше, чем в иной стране. А вы посмотрите, что творится на моих встречах с читателями в той же Германии! Собирается масса народа в огромных аудиториях, даже в церквях, чтобы выслушать все желающие. И беседа-откровение длится два-три часа. Но не только немцы проявляют такой интерес. Японцы тоже пристально следят за всем, написанным мною. Практически все мои книги переведены на японский. Возможно, так происходит потому, что народы этих стран острее других (за пределами нашей страны) пережили войну и все, с ней связанное, а мои ранние вещи так или иначе затрагивают эту тему... Может быть, дело в этом... Но тогда чем объяснить интерес к сказаниям, былинам, что сама потом была не рада, я стал надоедать: расскажи мне рассказы. Но она и от меня требовала: «Ну а теперь ты что-нибудь расскажи!». И я рассказывал не только то, что слышал от кого-то, но и сам сочинял, придумывал свое. Я варились в этих сказках, былинах много лет подряд, формируясь таким образом, впитывая в себя фольклор. Тогда ни она, ни я не придавали этому значения — ну сказки и сказки. И только потом, уже будучи студентом и делая первые шаги в литературе, я стал ощущать в глубине души, что меня каким-то образом уже приобщили к творчеству, мне уже преподали основы сочинительства. Вот так заложено в свое время бабушкой и продолжено. Появилось желание изложить на бумаге увиденное, услышанное, передать свои мысли, чувства, переживания.

Вторым фактором, повлиявшим на мое становление как писателя, была сама жизнь, реаль-

ность во всех проявлениях, с которой я столкнулся в раннем возрасте. (Айтматов замолчал, взгляд стал отрешенным.)

На вершинах гор моей страны лежат вечные снега, они тысячами накапливаются, спрессовываются в ледяные глыбы. Постепенно тая, исходят ручьи, наполняющими реки, озера, арки, дают людям чистейшую воду, дают жизнь... Так и сказания, былины, «преданья старины глубокой» веками накапливаются в народе, и долг писателя — «вобрать в себя ручейки устного творчества и соединить их в реки, озера, арки своих произведений, чтобы сохранить и приумножить культуру страны...

На чем, значит, я остановился? Да, так вот, другим фактором, оказавшим влияние на мою писательскую судьбу, стала трудная, но яркая, насыщенная событиями собственная жизнь. Подростком, в четырнадцать лет, я стал секретарем сельсовета, потому что все мужчины ушли на фронт. Вот тогда-то я и познакомился с трагическими судьбами, столько трагедий... Имя это потом и дало мне возможность написать «Джамилю», «Лицом к лицу», «Материнское поле», «Прощай, Гольсары!». Все эти вещи берут начало в реальных событиях, наблюдениях, испытаниях...

— Чингиз Торекулович, давайте перевернем тему. Скажите, как к вам относятся в России читатели и издатели? Как на фоне всего происходящего в России складываются отношения со страной, откуда, собственно говоря, и пошла ваша слава. На Западе вас не забыли, ждут новых произведений, а как у нас?

— Надо честно признать, что сопоставить прежние и нынешние наши — писателя с читателями и издателями — отношения просто невозможно. Все стало, мягко говоря, значительно скромнее. Это, кстати, относится не только ко мне лично, таков общий настрой. Произошел разрыв в читателем. Я говорю о серьезной литературе. На мой взгляд, наша литература переживает сейчас пору сиротства. Резко упал интерес к серьезной литературе, читатель перекочевал на произведения легковесные, мало что дающие уму и сердцу.

Почему так случилось? Как бы там ни было, кризис в литературе, в ее взаимоотношениях с читательской аудиторией наличию. Я не могу утверждать, что мои книги не издаются в России, в СНГ. Сейчас вот семитомник выпустили в Ташкенте на русском языке. Но, конечно, нам до западной оперативности в издательском деле еще далеко. Если у вас есть готовый материал, то книга уже через две недели будет выставлена в витрине магазина... Правда, с экранизациями дело обстоит намного хуже...

— Кстати, помните, намечалась экранизация романа «Тавро Кассандры». В «НГ» была публикация об этом, назывались имена артистов...

— Сам факт экранизации прозы очень важен, значителен для автора. Произведение обретает как бы вторую жизнь. Всего по моим произведениям было снято более десяти фильмов. Есть довольно удачные ленты. Скажем, «Белый пароход», «Пегий скак, бегущий краем моря». Последняя же экранизация — «Буранный полустанок» — сделана просто мастерски, мне очень нравится. Это у нас, на киргизской киностудии. Но фильм так и не вышел в большой прокат, не перешагнув границы Киргизии. Ведь прокат заботит другими кинотеатрами, хотя порой и низкоконтными, но зато дающими огромный кассовый сбор. А что такое кассовые фильмы, мы знаем. Среди них бывают, конечно, сильные работы, такие как «Титаник», но это один из ста. Так что «Буранный полустанок» не поступил в большой прокат, а с «Тавром Кассандры» вышло еще хуже. Было большое желание, настрой, творческий запал сделать интересный фильм, даже съемки из космоса планировались. Известный режиссер Юрий Кара и его команда уже взяли было за работу, но потом все заглохло, застопорилось по простой причине — отсутствию средств. Печально, но наш отечественный кинематограф находится в упадке, а все, что делается, приспособлено к рынку, все и вся должны работать на рынок!

Айтматов смотрит на часы и сообщает, что, по европейскому времени, пора обедать и приглашает в свой любимый ресторан. Уверенно ведет меня по запутанным улочкам в уютное заведение, где в этот час полно народу. Но где здесь знают и быстро находят отдельный столик.

— Вот он рынок! (Айтматов показывает на зал, на улыбающуюся хозяйку ресторана.) Когда рынок с шумом, без нахвата, так это прекрасно... Весь ресторан содержит трое: супружеская пара и мама одного из супругов. Все! Справляются без проблем...

Вот вы допытываетесь от меня, что происходит в нашей литературе, какой я ее вижу... С переходом, с хождением в ры-

ночную экономику происходит и ломка литературы. Не считаю, что все происходящее следует воспринимать как негативное, отнюдь нет. Идут процессы переосмысления, пересмотра критериев, восприятий. Литература, она ведь, согласитесь, тоже проходит, так сказать, через пороги рыночной экономики. Проходя через рынок, всякого насмотришься, как на базаре, с чем угодно столкнешься. А когда пытаешься на ходу, походя что-то купить, то такое могут всучить! В общем, меня нынешняя литература удручает, не захватывает, не волнует... К сожалению. Но существуют и иные мнения на этот счет. Не спорю, они имеют право, чтобы быть и высказываться. Я высказываю свое... Появились молодые авторы, пишущие по-иному, чем мы, по-иному видящие человека, его переживания, чувства и действия. Пусть время расставит все по своим местам. У меня же лично такое ощущение, что наша литература утратила миссию облагораживания человека. Так я понимаю состояние дел в нашей литературе. Во всяком случае чего-то эпохального, значительного, на уровне Толстого, Достоевского, Чехова я не вижу, хотя возможности открываются как никогда огромные.

— Ведь здесь-то собака и зарыта! Как понять такую простую, казалось бы, вещь: вы, писатели советской эпохи, испытывали сильнейший пресс и цензуры, и идеологии. Но вы творили, умея порой обходить все запреты и рога, и вместе создали целую эпоху — советскую литературу. Это сделала когорта литераторов, которые не дали надеть на себя идеологические вериги. Писателей этой когорты, и вас в том числе, переиздают, не исправляя ни строчки! И вот теперь, когда можно писать все, чего душа пожелает, когда впервые за всю историю нашей страны, подчеркиваю это, у нас нет цензуры, почему же нет выдающихся произведений? На мой взгляд, наша литература периода, как вы говорите, хождения на рынок, чем-то напоминает морковный кофе — цвет есть, а крепости никакой...

— В этом-то и весь парадокс, ирония свободы. Дело все в том, что нами не совсем правильно понимается свобода, в том числе и творчества... Все факторы для подъема литературы вроде бы есть, а подмена нет. Видно, утрачена целенаправленность, нарушена иерархия человеческих ценностей, которые литературе надо охранять, отстаивать. Утрачено понимание истинно прекрасного и заменено суррогатом. Похоже, моральная вселозлобность ни к чему хорошему не приводит...

Но, знаете, не исключено и другое. Например то, что из всей этой сумятицы, из создавшегося по воле людей хаоса выйдут нечто новое и это новое выльется из горнила переживаемых нашим обществом тревог, испытаний, сомнений. Ведь бывает же, что заблуждения, даже хаос, порождают совершенно неожиданные явления далеко не отрицательного свойства.

— Поговорим, Чингиз Торекулович, о русском языке. Вы писатель двуязычный, это известно. Но сейчас в бывших союзных республиках русский язык в опале. На мой взгляд, там плюют в колдовские котлы...

К примеру, если бы вы писали только на киргизском, когда бы ваши произведения дошли до читателей всего мира? Ваше творчество, каким бы хорошим оно ни было, оставалось бы запертым в границах Киргизии, не правда ли?

Получилось так, что посредством русского языка вас узнали на Западе...

— Да, я приехал на Запад и не только на Запад, но и на Восток «верхом» на русском языке. Это судьба, которой я остался верен. А если по большому счету, то миссия русского языка уникальна, он оказался языком передаточным. Я назвал бы его евроазиатским ракетостроителем. Судьбы всех наших бывших советских национальных литератур напрямую связаны с русским языком, без которого они не смогли бы так скоро получить мировое звучание. Ведь появилась и развилась целая наука, особая школа перевода с национальных языков на русский и с русского на языки народов СССР. Я сам поначалу занимался переводами литературных текстов. Вся западная литература, научные трактаты идут в республику пока только через русский язык. Язык Тургенева и Толстого и впрямь должен служить нашим национальным интересам. Так думаю... Ведь национальные культуры, если они обособляются, замыкаются, то хиреют. И наоборот, чтобы развиваться, они должны иметь доступ к достижениям всех мировых культур. Для многих это продуктивнее делать не напрямую, а через посредство русского языка. Возможно, со временем и другие языки будут использоваться шире, чем сейчас, но это дело будущего.

— Кстати, к вопросу о сближении стран и народов... По Киплингу: Восток есть Восток, Запад есть Запад, и вместе им никогда не сойтись. А вы как считаете?

— Конечно, в этой формуле заложена доля истины и как-то, я бы сказал, начальное понимание проблемы... Существуют разные цивилизации, культуры, философские учения, религии. Но совсем необязательно, чтобы они противостояли друг другу. Отличаться не значит противостоять. Сближение происходит и будет происходить, но не механически. Сближение Востока и Запада идет в контексте общего процесса глобализации жизни на планете. Это касается не только экономической, коммуникационной и информационной сфер. Идут совместные поиски новых человеческих ценностей, понятий, принципов жизни. Формула Киплинга, пожалуй, справедлива в историческом контексте времени, когда не было таких форм общения, как ныне, радио даже не было... В наше же время сближение идет полным ходом. Возмим широкий культурный обмен, хотя бы в области эстрады, возьмим сценические, кинематографические контакты, возьмим спорт... Сближение, познание друг друга идет при сохранении национальной колорита и своеобразия. Короче говоря, единство в многообразии, и, наоборот, многообразие культур и взглядов должны присутствовать в конце концов к единому восприятию человеческих ценностей.

— Судя по произведениям, ваши интересы планетарного масштаба. Здесь и Киргизия, и Россия, и США, и мир в целом. Даже космос. Что из происходящего в сегодняшнем мире тревожит вас больше всего?

— Живем мы вроде бы в мирное время... Большой войны нет. Но много локальных войн. Если собрать эти войны все вместе, то получится, что значительная часть мирового экономического потенциала, человеческих ресурсов направлена на войну. Меня это беспокоит. В доперестройочное время мы долгие годы убе-

дали своих потенциальных противников в том, что надо покончить с гонкой вооружений, чтобы обезопасить себя, и переключить средства и энергию на благие дела. А что имеем? Вездущий рынок опять диктует свою волю. То там, то здесь организуются и шарканно обставляются выставки, презентации новейших видов вооружений, устраиваются ярмарки для продажи оружия, проводятся показательные демонстрации усовершенствованных средств ведения войны и истребления людей. Торговля оружием сейчас процветает, как никогда прежде. Пресса и телевидение нас информируют, что продано столько-то такого-то оружия, нас стараются обрадовать новостью о создании сверхмощных истребителей и так далее. Рекламируется все то, что будет служить разжиганию новых военных конфликтов. Короче говоря, от его ушей, к тому же и приходим — редкая страна не мечтает обзавестись ядерным оружием...

Спрашиваю себя: может быть, войны действительно неизбежны в истории человечества? Может быть, созидание и разрушение — это две параллельные линии? Вот это меня тревожит и удручает. Недавно прочитал, что Украина продала какой-то стране триста танков. И это преподносится как большое событие, как достижение! Чем кичимся? Видно, и здесь воюет действует закон пресловутой рыночной экономики...

— Давно хочу спросить: вы охотник, на волков ходили?

— Вот охотой-то как раз не увлекаюсь. А о волках спрашивают меня многие. Я много наблюдал за волками, они в изобилии водятся у меня на родине, в горах, нападают на отары овец. Мой интерес к волкам, равно, как и интерес читателей, объясняется, должно быть, тем, что волки всегда присутствовали в жизни человека. Так сказать, истари они постоянно были где-то рядом, с одним видом человек враждовал и враждует, другие приручил. А сколько сказок, легенд, поговорок о волках... А если по сути, то мое обращение к теме волка, как это сделано в романе «Плаха», продиктовано стремлением обратить внимание на «братев наших меньших».

— Чингиз Торекулович, вы человек религиозный? Трудно сказать.

— Видите ли, у меня своя внутренняя вера. Но чтобы ходить куда-то, битьсь лбом, думаю, что меня услышат где-то там, наверное... Религия, по моему мнению, должна быть замкнута в пространстве сознания самого человека. Для меня ясно одно: назначение религии состоит в том, чтобы помогать усовершенствованию человека. Но она не может диктовать что-то в жизни...

— Интересно, как вы работаете, какая у вас, выражаясь технически, продуктивность? Мой давний друг французский писатель Робер Мерло рассказывал: пишу машинописную страничку текста в день, если две — то это уже достижение, ну а если случается три, тогда на следующий день лежу на диване и отдыхаю. Потом, говорит, все написанное запираю в ящик стола на год и уже после того, как роман вылежался, перечитываю и переписываю заново...

— У каждого писателя свой ритм, свои возможности. Я Мерло завидую, значит, у него спокойная жизнь и он может рукописью отложить на целый год и потом ее переосмыслить. У меня таких возможностей нет. А даже если бы и были... Я считаю, что если созданная тобой вещь идет от каких-то актуальных ощущений жизни, то ее

нельзя откладывать на год. Она должна состояться как можно скорее... Мне уже 70 лет, многие годы я тешил себя иллюзией, что вот будет у меня вдоволь свободного времени, освою компьютер, тогда-то работа закончится, пойдет быстрее... Но не получается... Ни со свободным временем, ни с освоением компьютерной техники... Я пишу от руки, затем жена перепечатывает на машинке, снова релактирую, снова перепечатка, слово, обычная работа вручную. Сколько «вырабатывается»? Ну это раз на раз не приходится — порой и страничка с трудом дается, а бывает, так пойдет, что и до пятнадцати выдасешь на-гора...

— Юлиан Семенов по тридцать и больше писал за день...

— Ну, такого у меня еще не было... Но когда получается примерно пятнадцать, это здорово. Чувствую приятную усталость, ощущая в то же время удовлетворение от сделанного. Это замечательно...

По пути в посольство Киргизии, куда мы направлялись уже с наступлением сумерек, я вспомнил о недавно прочитанной газетной информации: ЮНЕСКО приняло решение отметить 70-летие писателя проведением в Париже специального colloquium, посвященного этой дате. Прошу подробнее рассказать об этом мероприятии. Айтматов сначала отказывался, но под моим напором сошелся.

— Да, действительно 22 февраля в парижской резиденции ЮНЕСКО пройдет такой colloquium. Для меня это большая честь. Съезды известные литераторы, литературоведы, американцы, канадцы, японцы, много немцев. Но самое приятное для меня, что приедут наши отечественные литературоведы — русские, киргизы, казахи. Приглашены, в частности, Гачев, Семенов, Огнев, Золотов. Это люди, которые постоянно соприкасаются со мной. На colloquium разговор пойдет не только о моем творчестве, но и о проблемах современной литературы в целом, о ее роли в общественной жизни.

По-моему, ЮНЕСКО нашло нужным провести такую встречу еще и в память об Иссакьюльском форуме. Ведь мы тогда открыли совершенно новую форму общения. Это был прекрасный форум единомышленников в не-забытом 1987 году, в начале перестройки. Потом эстафета перешла к другим странам, встречались мы, например, в Испании, Швейцарии. Во всяком случае, Иссакьюльская инициатива не канула в никуда...

Посольство Киргизии в Брюсселе небольшое, как по размерам здания, так и по численности персонала, — пять сотрудников (вместе с послом). Первым делом Айтматов справляется насчет дела, факсов, телефонных звонков в его отсутствие. Докладывает, что получил телефакс из Соединенных Штатов. Читает вместе: «Публикуем уважаемый Сэр! Международная Академия Наук, Образования, Промышленности и Искусств в Калифорнии горячо поздравляет Вас со славным юбилеем и присуждением высшей награды Академии — Золотой медали имени Эйнштейна «За выдающиеся достижения».

— Прощай, желаю, как водится, творческих удач и спрашиваю о замыслах.

— Пишу роман. Действие начинается в далекие времена и простирается до наших дней. Полпути уже прошел... Брюссель

«КТО ПРАВИТ В РОССИИ». ВЕРСИЯ ДЕКАБРЯ 1998 ГОДА.

После годового перерыва, вызванного постоянной и непредсказуемой сменой российского правительства за протяжении 1998 года, вновь вышел в свет справочник «Maximov's Companion to Who Governs The Russian Federation/ Кто правит в Российской Федерации» (Том 4 №1, 1999). Это уже седьмой выпуск известного справочника, в котором нашло отражение беспрецедентное количество изменений, особенно на уровне структуры и персоналий федерального правительства. Это неудивительно, если принять во внимание тот факт, что предыдущее издание готовилось в ноябре 1997 года. Это единственный на сегодня источник детальной информации по новому федеральному правительству, всем ветвям власти в Центре и на местах. В справочнике опубликованы данные, действительные на 17 ноября 1998 года, что делает их воистину «горячими».

высокую степень ее достоверности. В региональные разделы справочника впервые включена информация о руководителях свыше 200 крупнейших предприятий России. В книге опубликованы адреса российских властных структур в Интернете, а региональные разделы дополнены телефонами справочных служб — по городам, железным дорогам, аэропортам и лучшим гостиницам. Иными словами, издатели стараются сделать все для того, чтобы справочник стал неизменным компаньоном любого путешественника в России. В результате всех изменений и дополнений возрос общий объем книги, в которой теперь на 850 страницах свыше 11 000 имен и более 14 000 номеров.

Начиная с седьмого выпуска, про справочники Максимова можно с полным правом сказать: «Сделано в России». Издательство смогло перенести печать справочника из Оксфорда в Санкт-Петербург (на АО «Светоч») без ущерба для качества. Подобное «импортозамещение» даже в условиях кризиса позволило значительно расширить издательскую программу Максимова. Только в следующие полгода планируется выход в свет трех новых титулов — «Кто правит в Польше», «Телевидение в России», «Телекоммуникации в России» и переиздание трех регулярных изданий — «Кто правит в Москве», «Кто правит в Санкт-Петербурге» и восьмой выпуска — «Кто правит в России».

В издании появились новые разделы «на злобу дня». Прежде всего это контактная информация по руководству и аппарату свыше 100 политических партий и объединений, которым формально разрешено участвовать в выборах. Партии сами предоставляли информацию о себе, что обеспечило

ИЗДАНИЯ МАКСИМОВА. 925-5696, 924-1233, 937-6302